

Введение

Понятие морали является неизменно привлекательным для тех, кто связал свои профессиональные интересы с морально-философскими исследованиями. Однако и эти исследования, и любимое моральными философами понятие воспринимается многими сориентированными на "строгую" науку интеллектуалами как архаизм, игра в слова, почти утратившие свою предметную определенность: слово "мораль" считается ушедшим из обиходного языка, и его употребление, тем более "всерьез", как термина, встречает недоверие.

Настороженность в отношении рассуждения о морали характеризует определенное состояние моральной атмосферы в обществе, состояние общественных нравов. Этот скепсис весьма знаменателен. По-своему в нем проявляется та действительная связь, что чем больше общество и люди утрачивают в своей духовной жизни, тем более личным и сокровенным становится для человека то, что охватывается понятием морали. Я говорю о смысложизненных представлениях и конечных основаниях при принятии кардинальных решений, об оправдательных и осудительных высказываниях. Духовная жизнь сама по себе неоднозначна, ценности культуры допускают различное толкование, но там и тогда, где и когда публично провозглашаемые ценности и принципы прямо противоречат здравому смыслу и чувству пристойности, духовная, идейная (в исконном, а не идеологизированном смысле этого слова) жизнь оказывается обреченной на раскол, на невнятность. В этих условиях моральное чувство, естественно, отказывается доверять публично звучащим словам о морали, и подсказывает видеть в них выражение лживости и лицемерия. Человек

согласен лишь *молчать* о морали, ибо рассуждение о ней в любом случае представляется фальшивым, неприличным, безразличным.

Впрочем, недоверие к этическим понятиям и выражающим их словам, усмотрение в "звучащей" морали лишь неискренности и своскорыстного стремления одних поживиться за счет других, сохранив приличное выражение лица, не говоря уже о нигилистическом отказе от морали, - характерны для социальных и духовных кризисов всех времен, что многократно подтверждалось в истории культуры и легко просматривается на материале истории мысли. Что же касается нашего времени и нашего общества, скепсис относительно морального рассуждения связан и с традициями описания и анализа нравственности, которые сложились за тридцать лет развития советской этики. С одной стороны, мораль сводилась исключительно к сумме определенных принципов, фактически канонизированных властью. Соответственно этика служила одним из средств философского санкционирования идеологической деятельности властвующей олигархии и одновременно была разновидностью этой идеологической деятельности, важным каналом пропаганды. С другой стороны, в противоположность идеологизированию и морализаторству или по крайней мере в отличие от них развивалась философская этика в собственном смысле этого слова - как метаэтика, учение о специфике и функциях морали, основах нравственного воспитания. Работая в этом направлении, некоторые советские авторы пришли к интересным и важным результатам, хотя разработанные теоретические понятия морали были настолько абстрактными, что этика перестала восприниматься как философия жизни, как учение, обращенное к человеческой практике. Это не значит, что житейские, мировоззренческие, социально-политические коллизии не присутствовали в этических рассуждениях и схемах. Однако присутствие это было весьма своеобразным: реальная ситуация в обществе, в

частности те условия, в которые был поставлен теоретик, определяли не предмет этического исследования, а его характер. Теоретическая этика, стремясь избавиться от навязываемой ей идеологической роли, вынуждена была сама уходить от жизненных проблем и строить при этом такое понятие морали, которое было бы "независимым" от них. Этим можно объяснить тот факт, что наиболее популярной фигурой в позитивных (а не только историко-философских или критических) этических исследованиях был Кант (порой более ценимый, чем обязательный Маркс; что, правда, не признавалось, или как правило скрывалось этическими писателями): концепция автономной морали при умелом ее построении позволяла сохранять автономию и автору концепции.

1. Разнообразие образов морали

Обиходная моральная лексика свидетельствует о том, что слово "мораль" действительно малоупотребительно и в то же время многозначно. При этом значения слов "мораль", "моральный" на первый взгляд размыты; по сравнению с ними слова "добро", "справедливость" или "совесть" кажутся более определенными. Но если разобраться в контекстах выражений, содержащих слово "мораль" или, скорее, "моральный", мы увидим, что разброс значений не так уж велик, и синонимичные параллели отнюдь не многообразны.

Так, "мораль басни" выражает внутренний, отвлеченный от ее содержания, поучительный смысл. Этот смысловой оттенок морали как поучения сохраняется и в раздраженном "читать морали": не просто поучать, но поучать назидательно, нудно. Особняком стоит выражение "морально устареть", обозначающее несоответствие действующего оборудования или проектных разработок и идей современным технологическим и научным стандартам. В выражениях типа "морально расстроиться",

"*быть морально неготовым*", "*морально выдержать*" и т.п. под словом "мораль" подразумевается душевная, психическая жизнь; подмена в этих выражениях определения "моральный" определением "психологический" не изменит их смысла. В фиксированном словосочетании "*моральные стимулы к труду*" речь идет о личностном, духовном элементе в трудовой мотивации. В выражении "*моральный кодекс*" слово "мораль" ассоциируется с навязываемыми извне установлениями, чуть ли не обязательными к выполнению, но выполнять которые нужно добровольно, а значит сознательно, идейно. "*Моральный поступок*" чаще всего понимается как поступок, совершенный из высоких побуждений. Однако "*аморальный поступок*" редко понимается как низкий, циничный, непорядочный поступок вообще, но скорее связывается с нарушением определенных норм взаимоотношений между мужчиной и женщиной; "*аморалка*" могла иногда обозначать предполагаемый к "товарищескому" (публичному) обсуждению вскрытый случай "распития спиртных напитков" в рабочее время, но такое понимание этого слова еще надо уточнить, поскольку в первую очередь оно предполагает обнаруженный факт нарушения норм так называемой "*половой морали*". Подобно последней, в связках "*семейно-бытовая мораль*" или "*трудовая мораль*", или "*профессиональная мораль (этика)*" слово "мораль" обозначает сумму принятых или рекомендуемых норм и правил в определенной сфере жизни. Наконец, слово "мораль" употребляется в значениях, наиболее адекватных этике, а именно, как синоним сокровенного, личностно-интимного или ценностного, возвышенного, духовного. Но это уже те смыслы, которые все-таки предназначены для внутреннего рассуждения. Именно о так понятой морали перестало быть принятым высказываться, спорить.

Во всех этих различных значениях в употреблении слова "мораль" мне видится определенная близость. Так или иначе *мораль, моральное* - это то, что отлично от

видимой реальности, непосредственно данной действительности, более того, что осмысливает эту действительность, задает ей определенный идеальный стандарт (в ценностно положительном или отрицательном контексте); это очень важный смысловой оттенок обиходного употребления данного слова.

Следует отметить, что такое понимание морали отнюдь не характерно только для обычной речи. В обществоведении, а нередко и в этически не специфицированной философии, термины "мораль", "этика" уногресбляются для обозначения сферы *ценностей*, сферы *мотивов* (в широком смысле этого слова) индивидуального поведения вообще. Такое расширительное понимание разрушает традиции концептуально четкого толкования морали, выработанные в истории философской этики от Аристотеля до Канта, а именно, морали как специфицированного, отдельного феномена духовной жизни. Вместе с тем, этико-публицистические и морально-философские представления о нравственности укладываются в более широкий, по сравнению с обычным языком, семантический ряд, - если иметь в виду не понятия морали, обнаруживаемые в классификации или хотя бы в диалоге школ, а именно обобщенные представления, выстроенные в один ряд, предложенные в перечислении.

Не самое известное, но достаточно одиозное понимание морали сводит ее к уловке, обману, "нудной бредне" (Ш.Фурье), служащей для развлечения себя и пользования другими. Возвышенность, всеобщность морали - всего лишь химера (Гельвеций), выражение деградации, "жизненной дистрофии" (Ф.Ницше); такую мораль здоровая личность или здоровый, прогрессивный класс непременно должны преодолеть (С.Г.Нечаев). Оставим в данном случае положительный ницшеанский мотив сверхчеловека или революционистский мотив прогрессивного развития. Образ морали как запрета, рестрикции - один из наиболее распространенных в истории мысли. Рафинированно теоретическое представле-

ние о морали как регуляции поведения, в частности, регуляции, ориентирующей на должное, является лишь разновидностью понимания морали как ограничения, сдерживания человека в некоторых его потребностях и склонностях, контроль за ними.

В рестриктивном понимании морали различимы несколько подходов и несколько уровней. Первое, это нигилизм, гедонистический протест против морали, навязывающей "принцип реальности", который накладывает запрет (ограничения) на получение каких-либо или даже некоторых удовольствий. Впрочем, для гедоника любое универсальное выражение культуры рестриктивно; он находит угрозу даже в либерализме, ибо либерализм ратует не просто за свободу, но свободу разума, которая, конечно же, чревата свособразным господством - господством разума, а в этом нигилистическое сознание усматривает всего лишь "новую тиранию" (М.Штирнер). Для гедонистически ориентированной личности главное - возможность неограниченного саморазвития (как оно понимается, другой вопрос), мораль же как упорядочивающее правило, всеобщий образец воспринимается не более как опека.

Второе, в протесте против запретительности или неприменимости нормы содержится собственно правдивый пафос - индивидуализированного, самобытного, критического отношения к бытующим и стихийно воспроизводимым в нравах общепринятых норм поведения. Мораль, таким образом, понимается как восстание против обыденности, как возможность творческого самоосуществления личности. Добродетель не подвластна правилу, она сама себе правило (П.Жане).

Третье, в рестриктивном понимании морали содержится трезвая констатация необходимости целесообразного взаимодействия в обществе как относительно едином организме. Понимание морали как совокупности "правил поведения" (Г.Спенсер, Дж.С.Милль, Э.Дюркгейм) помещает мораль в более общую систему

(природы, общества) и критерием моральности действий является их адекватность потребностям и целям системы.

Четвертое, регулятивность морали интерпретируется не как сила индивидуального контроля за поведением граждан, но как вырабатываемый самими людьми и закрепляемый в "общественном договоре" механизм интериндивидуального взаимодействия, поддерживающий "паритет свобод". В различных контрактных концепциях морали, начиная с ранних, у софистов и Эпикура, до классического их выражения у Т.Гоббса и Ж.-Ж.Руссо или современного у Дж.Роулса, моральная регуляция как система требований и запретов предстает как бы горизонтальной в отличие от государственного законодательства структурой, являющейся по сути дела сетью взаимных обязательств, которые люди как граждане одного государства взяли на себя с целью поддержания целостности системы и справедливого удовлетворения интересов всех граждан. В этом смысле *мораль конвенциональна, вариативна и по-своему пруденциальна*.

Пятое, определяющим признаком моральной регуляции в большей степени является побудительность, чем запретительность, ибо моральное требование не предполагает угрозы, ее санкция носит идеальный характер, оно обращено к человеку как сознательному и свободному субъекту (И.Кант, Г.В.Ф.Гегель). Это уточнение не выводит мораль за пределы рестриктивности; в постановке вопроса о характере моральной регулятивности лишь меняются акценты: ограничение, запрет остается в тени, на первый план выступает побуждение. Любое нормирование, коль скоро устанавливается определенный стандарт, пусть даже в форме отвлеченно декларированного идеала, указывает тем самым и на недопустимое, то есть запретное. Любое нормирование, иными словами, представляет собой ограничение конкретных действий обобщенным опытом таких действий, в мо-

рали и аналогичных ценностно-регулятивных системах - аксиоматизированным опытом культуры. В области социальной этики, ключевые представления которой связаны с правами и обязанностями (обязательствами) человека, индивидуальная свобода личности во многом выражается в уважении к чужой свободе, и это уважение заключается в том, что личность накладывает определенные ограничения на собственные действия.

Шестое, взаимо- и само-ограничения, вменяемые моралью, указывают на ту ее особенность, что требования и нормы нравственности задают *форму волеия*. От человека прямо зависит, исполнит он требование или нет. Исполняя требование, он как бы сам провозглашает его. Впрочем, эта особенность неинституционализированных форм нормативной регуляции деятельности была понята задолго до дифференцированных дефиниций морали: "<...> Не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую" (Рим. 2:13-15). Вместе с тем все ограничения, которые человек добровольно накладывает на себя, и действия, которые он совершает во исполнение требования, имеют моральный смысл при том неизменном условии, что он действует в уверенности своей правоты.

Таким образом, сколь непривлекательной ни была рестриктивная концепция морали, именно она в различных своих вариантах содержит идеи упорядочивания, взаимодействия, договора, свободы и противостоит своеправью, произволу.

Согласно другой этико-философской традиции, мораль предстает как дихотомия *добра и зла*, как такая сторона деятельности, в которой проявляются стремление человека к добру и отвращение от зла. При таком подходе к морали теоретика интересует не то, каким образом мораль действует, каков характер требования, какие социальные и культурные механизмы гарантируют

его реализацию, каким должен быть человек как субъект нравственности и т.п., а то, что совершает человек, к каким результатам приводят его поступки. Другое дело, что идея добра непременно наталкивает на вопрос о том, как "производится" добро, но это именно другое дело, вторичный, подчиненный вопрос. *Утилитарианство*¹ (в широком значении этого понятия) усматривает достоинство своего подхода в том, что оно, в отличие от "формального" кантианства, имеет, что предложить человеку в качестве положительного нравственного закона. Однако содержательность указания на добро и зло в нормативной этике довольно относительна. Если принять во внимание разнообразие нравственных принципов, которые берутся за основу при определении добра (добро как наслаждение, прибыль, польза, общее благо, слава, солидарность, совершенство, человечность и т.д.), станет ясно, что определение морали через противоположность добра и зла задает методологический принцип, направление исследования. Само добро необходимо еще содержательно прояснить; это - не "конечное" понятие морали (морального сознания и этики) и его необходимо соотнести с более общими принципами, с идеалом.

Более определенное понятие морали устанавливается на пути соотнесения добра и зла с теми общими целями-ценностями, на которые человек ориентируется в своих действиях. Это возможно на основе различения частного и общего блага и анализа разнонаправленных интересов (склонностей, эмоций) человека. В этом случае моральность усматривается, во-первых, опять-таки, в ограничении эгоистической мотивации общественным

¹ Целесообразность восстановления этого непривычного для современного русского читателя термина оправдана необходимостью различения морально-философской традиции, берущей начало от И.Бентама и Дж.С.Милля и использующей понятие пользы (utility) в смысле счастья, и системы моральных воззрений, основанной на принципе пользы, - утилитаризма.

договором, или разумом (Т.Гоббс), во-вторых, в разумном сочетании себялюбивых и благожелательных склонностей (Шефтсбери считал, что и те, и другие склонности изначально присущи человеку, то есть одинаково естественны), в-третьих, в отказе от эгоизма и исключительно альтруистической самореализации (А.Шопенгауэр).

Эти дистинкции оказываются продолженными в метафизических прояснениях природы человека и сущностных характеристиках его бытия. Человек двойствен по природе (эта идея может высказываться в концептуально различных формах), и пространство морали открывается по ту сторону этой двойственности, в борьбе имманентного и трансцендентного начал (обыденного и духовного, эмпирического и идеального, дьявольского и божественного, суетного и вечного). Августин, Кант или Бердяев, каждый по-своему, размышляя над этой проблемой, пытались разрешить ее именно как ключевую этическую проблему и усматривали, таким образом, основной вопрос морали, во-первых, в самом факте этого внутреннего противоречия человеческого существования и в том, как этот факт оборачивается в возможности его свободы, а во-вторых, в том, как человек в конкретных деяниях по поводу частных обстоятельств может реализовать общий, идеальный принцип морали, каким образом вообще человек приобщается к *абсолюту*.

Таковы наиболее типичные, хотя, повторяю, не типологизированные, но только перечисленные представления о морали, встречающиеся в истории моральной философии и в более или менее явном виде присутствующие в современной западной, равно и советской литературе. Такое перечисление, в котором мыслительный материал разных эпох сочленяется по рубрикам, выделенным в соответствии с задачами отдельного исследования, несет в себе элемент интеллектуального произвола. В одной из известных своих работ Э.Макинтайр сетовал на то, что моральных философов